

• ЛУЧШИЕ ЛЮДИ МИФИ

В.Г. Кириллов-Угрюмов:

«МНЕ ВЫПАЛ ЖРЕБИЙ — ЖИТЬ!»

Петрова продают». «Но мне-то купят?!»

Помню наших замечательных педагогов: Лейпунского, Алиханяна. Помню, как нас, отличников, в 43-м году на каникулы отправили в Гагры, в дом отдыха Министерства боеприпасов. Бесплатно.

— Виктор Григорьевич, на что Вы потратили первую свою стипендию?

— Первую свою стипендию, конечно, отдал маме. Она тянула меня, недоросля, одна. Папа, морской инженер, погиб, когда мне было два года. Работала учительницей в школе. Была награждена орденом Ленина.

С отличием закончив институт, Виктор Григорьевич поступает в аспирантуру. Занимается исследованием космических лучей и параллельно работает в Институте физики АН СССР под руководством известного ученого А.И. Алиханяна.

Защитив блестяще диссертацию, в 29 лет становится деканом факультета экспериментальной и теоретической физики.

В 1962 году защищает докторскую. Профессор В.Г. Кириллов-Угрюмов — физик-экспериментатор. Ему с сотрудниками впервые удалось обнаружить разновидность атомной системы — свободный мюонный атом. Результат был зарегистрирован как открытие.

В 35 лет возглавляет МИФИ. На этом посту он проделал огромную работу по развитию новых форм обучения, рекомендованных И.В. Курчатовым. Под его руководством создавался новый комплекс МИФИ на Каширке. До этого институт был разбросан по всей Москве. Строилось общежитие, СОЛ «Вола», студенческий профилакторий, экспериментальный завод «Квант». Сформировался спортклуб, в котором было много секций. Виктор Григорьевич стал одним из организаторов мотосекции. Культурная жизнь в новом МИФИ буквально кипела.

Очень много сил и труда вложил в развитие нашего университета Виктор Григорьевич за 15 лет работы ректором.

— Виктор Григорьевич, в одной книге мы прочитали, что Вы, работая семь лет на посту председателя ВАКа страны, опираясь на авторитетных ученых, существенно усовершенствовали ее структуру. Но ведь, извините, Вас оттуда «ушли».

— «Ушли», да.

— Ну а как же Ваш «кулак» из единомышленников?

— Бывало и «промахивался» в людях. Я взял к себе в первые замы товарища, которого, мне казалось, я хорошо знал. И он, в итоге, меня предал.

В чем была проблема? В ВАКе были отделы: естественных наук, медицинских и т.д. И — отдел спецпроблем, где шли «закрытые» работы по оборонной тематике. В Экспертный совет входили специалисты — физики и занимающиеся секретными работами. Мой зам и начальник отдела захотели все работы с грифом «секретно» пропускать только через спецотдел. Но там не всегда были специалисты! То есть это была возможность присуждать научную степень кому хотели. К сожалению, их поддержали в «верхах»... Я против этого восстал. Ну и началось! На меня написали «телегу», что я, как председатель ВАКа, беру взятки, что у меня роскошная дача и т.п. И поехала комиссия народного контроля проверять. От электрички шли три километра пешком, а когда пришли и увидели «виллу», которую построила еще моя мама (так

называемый ДКШ)... Мне соседи говорили, что такая ругань в воздухе стояла: зря проездили.

— Это, наверное, было трудно пережить. А у Вас нет обиды на тех, кто вас предавал?

— Обиды на тех, кто меня предал или подвел, не держу. Поэтому на душе спокойно.

— Но друзей-то у Вас значительно больше, чем врагов. Уже одни те моряки, которые приезжают на всякие военные празднества в МИФИ.

— Среди них и мои одноклассники по военно-морской спецшколе. Такое крепкое братство. А некоторые просто уникальные личности. Вот, например, В.М. Ахутин, директор научно-исследовательского института, академик. Несмотря на возраст, он успешно участвовал в международной гонке яхтменов. Ему тоже 80 лет исполнилось в этом году, но на неделю раньше, чем мне. Звонит: «Приезжай на мой юбилей и никаких гвоздей!» Я сматался в Питер. Приехал рано утром, поздравил друга, а в 16.00 «Авророй» вернулся в Москву.

— Виктор Григорьевич, был в Вашей жизни человек, который стал для Вас образцом?

— В жизни, наверное, каждого человека есть эталон, на который он равняется. Для меня таким эталоном был Курчатов. Очень порядочный человек. Великий организатор. Очень много пришлось ему сделать, чтобы создать атомную промышленность. А вы знаете историю нашей атомной промышленности? Когда только закончилась Великая Отечественная война, был уже подготовлен секретный документ об уничтожении Советского Союза. Были намечены 20 городов, и Гарри Трумэн утвердил сброс на них атомных бомб. Только создание и испытание в нашей стране атомной бомбы не дало осуществить этот план. Тогда в ЦРУ появился «план Даллеса» об уничтожении и разложении (без оружия) нашей страны и нашего народа.

Курчатов был коммунистом, делегатом четырех съездов партии. Это была великая честь. Вы знаете его слова: «Я счастлив, что родился в России». Но ведь, когда взрывали атомную бомбу у нас, он перед взрывом пошел в Новодевичий монастырь и поставил свечку перед иконой Богородицы и помолился.

— Вы встречались с Курчатовым?

— Мне посчастливилось встретиться с ним лично и беседовать. Я убедился после этого, что его очень интересовала судьба МИФИ. Наш институт был постоянно в поле его зрения. И когда бывали какие-то критические моменты, он знал и вмешивался.

— Вы столько сил вложили в МИФИ. Наверняка весь период «перестройки» переживали за институт.

— Переживал очень сильно. Но сейчас немало и положительных перемен. Некоторые не все из них воспринимают. Вот ко мне как-то обратились с претензией: «Что же вы молчите? Институт-то физический, а превращается непонятно во что!» А я считаю, что Б.Н. Оныкий в этом отношении прав, давая развиваться таким дисциплинам как экономика, информатика, гуманитарные... Конечно, МИФИ дает универсальное образование. Наши выпускники работают в широчайшем диапазоне. Есть и физики, и банкиры, и международники... И хорошо, что готовят у нас разных специалистов. Другое дело, что это, в основном, платное обучение. Я с этим никогда не соглашусь. Мне утверждают, что у нас дешевле, чем в других вузах. Может быть. Но я то знаю, что не каждый может заплатить. Это меня сильно огорчает. Но дело здесь, конечно, не в ректоре.

— Вот сейчас бывает так — предлагают хорошую зарплату, а работа неинтересная. Как Вы считаете, что важнее для молодежи?

— Конечно, быть профессионалом. Но вместе с тем, жизнь есть жизнь. Особенно, если семья, дети... Если есть возможность, надо все-таки выбирать что-то по душе. Но главное, я считаю, нельзя предавать, продавать и продаваться. Это главное в моральном плане. Очень важно сохранить себя как личность.

(Продолжение на стр. 7)

(Продолжение. Начало на стр. 1)

— Виктор Григорьевич, Ваше имя внесено в книгу «Выдающиеся ученые мира XX века». На российском телевидении для Государственного исторического архива подготовлен документальный фильм о Вас. Такая богатая биография, столько Вам удалось сделать важного и полезного: и воевали, и институт наш возглавляли почти 15 лет, занимали должность на уровне министра — председатель ВАКа, и открытие научное сделали. И сейчас, работая профессором-консультантом, Вы очень активно возглавляете Совет ветеранов МИФИ. Заслуженный деятель науки и техники, кавалер 25 правительственных наград... Что Вам помогло добиваться таких больших успехов?

— На всех этапах моей жизни, а их, основных, по сути, было три — армия и флот, МИФИ и Высшая аттестационная комиссия (ВАК), — мне везло на людей, товарищей. На каждом жизненном этапе был «кулак» единомышленников. И это очень помогало преодолевать трудности.

— А какую свою удачу Вы считаете самой главной в жизни?

— Вы знаете, тот счастливый жребий, который, считаю, мне достался: я выжил после контрнаступления под Москвой в 41-м году. Уверяю вас, там были бои, при которых прожить две недели было подвигом. Посмотрите, кто остался в живых из тех, кто участвовал в боях под Москвой? Из нашей бригады, в которой было шесть тысяч человек, живы, насколько я знаю, трое.

А мне выпал жребий — жить. И в самые трудные моменты — а они были — я все время думал о тех ребятах, 17-летних, которые погибли. Я чувствовал перед ними долг: преодолевать трудности, не сдаваться и не пытаться ускорить свою брентную жизнь.

Когда началась война, он заканчивал Московскую военно-морскую спецшколу. Услышав страшное сообщение, все выпускники до единого подали заявление об отправке их на фронт. Но им отказали. Потом было зачисление в Высшее военно-морское инженерное училище им. Дзержинского, которое находилось в Ленинграде. 8 августа он принял присягу, а 31 октября старшина 1-й статьи Кириллов-Угрюмов в числе 75 первокурсников был откомандирован в 84-ю отдельную морскую стрелковую бригаду. Было ему тогда 17 лет.

26 ноября 1941 года бригада выгрузилась в Рязанской области. Батальон, в котором Виктор был командиром отделения, храбро действовал при освобождении Скопина, захваченного передовыми моторизованными отрядами немцев. Спустя годы благодарные скопинцы присвоили Кириллову-Угрюмову звание Почетного гражданина этого города.

12 декабря в жарком бою под Клином Виктор Григорьевич был тяжело

ранен. Три месяца провел в госпиталях. В июне 1942 года медкомиссия определила инвалидность, и он был уволен из армии.

За эти бои Виктор Григорьевич был награжден орденом Красной Звезды.

— Виктор Григорьевич, после боев, ранения, учиться в новом военном вузе — Институте боеприпасов (сейчас МИФИ), — Вам было, наверное, очень тяжело? Вам помогали?

— Да нет. Мы, фронтовики, истосковались по учебе и ... вкальывали. Самое удивительное, что я стал отличником и мне дали Сталинскую стипендию. Помогать приходилось мальчишкам и девчонкам, которые были на так называемом трудовом фронте. Шла война и они работали в ночную смену на авиационном заводе вместо специалистов, ушедших на фронт. А днем учились.

Помню первое комсомольское собрание. По нашим, фронтовиков, понятиям оно было безалаберным: народ ходил, выкрикивал, чуть не свистел — анархия. Тут мы с Иваном Смолиным, тоже фронтовиком, встали и пристыдили: что, мол, базарите. А нас вдруг избирают в комитет комсомола. Меня — секретарем. Так неожиданно, будучи первокурсником, я стал секретарем комсомольской организации института. Ну что, надо работать. Начали с того, что в комнате комитета комсомола на стене закрепили военно-морской флаг. Это был символ — боевого духа, дисциплины и товарищества. Взаимопомощь в учебе и в жизненных обстоятельствах становилась правилом. Время было холодное, голодное. Приходилось и за дровами выезжать за город, чтобы институт отапливать, и в колхозы ездить овощи какие-нибудь привозить. Учебников многих не было, сидели,

конспекты по ночам переписывали.

— Виктор Григорьевич, на Ваш взгляд, за пять-шесть студенческих лет человек формируется?

— Да, конечно. Это очень важные годы. И от них надо взять как можно больше. В первую очередь в учебе. Некоторые думают, вот этот предмет не нужен, черчение не пригодится... Вы не знаете, как сложится жизнь, все может пригодиться.

Помню, Арцимович читал нам ядерную физику. Читал блестяще. Учебников не было. Деканат спрашивает: «Арцимович считает целесообразным прочитать вам сверх расписания еще пару лекций...» Все — «За». У нас было 36 учебных часов. Нам увеличили до 40, и мы стали просить, чтобы их читали настоящие профессора.

... Ну, конечно, я считаю, в студенческие годы надо и погулять. Толстой говорил: «Неповторимая пора детства». То же можно сказать и о студенческих годах. Мы, например, собирались с друзьями, пели песни под гитару. Больше того, после заседаний комитета комсомола шли в пивную в Уланском переулке. Выпивали по кружке пенного, из бочки, пива. А потом по дороге гнали, как футбольный мяч, консервную банку. У нас куратором была одна дама, которая как-то спросила: «Я надеюсь, вы не ходите в ту пивную клоаку?» Потом мы все время говорили: «Пойдемте в клоаку». Ну, вот такие грехи были. Но пьянства не было.

Еще момент чит воспоминаний. Лекция. Должен читать кто-то из корифеев. В потоке — тысяча человек. Приходит лектор, а в аудитории сидят человека три. Он спрашивает: «Где остальные?» «Побежали на Кирилловскую, в книжный. Там Ильфа и

